

На вопросы редакции журнала «ЗАКОН» отвечает доктор юридических наук эксперт в области цифрового права и права интеллектуальной собственности **Марина Александровна РОЖКОВА**

ДЕЛОВУЮ РЕПУТАЦИЮ НАДО ВКЛЮЧАТЬ В ЧИСЛО ИМУЩЕСТВЕННЫХ АКТИВОВ

Доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, советник по науке декана юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС), член Экспертного совета Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи, президент *IP CLUB*, председатель Комитета по правовым вопросам Координационного центра национального домена сети Интернет. Автор более 400 работ по проблемам цифрового права и права интеллектуальной собственности, гражданского права, включая ряд изданий по защите деловой репутации.

— Чем отличаются между собой диффамация, умаление чести и достоинства, уничтожение деловой репутации? Есть ли четкие критерии для разделения диффамации, клеветы и оскорбления?

— Не все названные понятия употребляются в действующем российском законодательстве, например термин «диффамация» в нем не используется. Вообще, надо заметить, что нормы, касающиеся защиты чести, достоинства и деловой репутации, сформулированы в нашем законе не слишком четко, единая система терминологии отсутствует, нередко в законодательстве одно понятие подменяет другое. Так, в Конституции упоминается защита чести и доброго имени, в ГК наряду с честью и добрым именем упоминается также достоинство и деловая репутация гражданина. Это путает правоприменителя, способ-

ствует формированию неправильных подходов на практике.

Примечательно и то, что в отечественном ГК закреплена защита именно деловой репутации, тогда как в большинстве юрисдикций используется общий термин «репутация». Это понятие многогранное; существует много разновидностей репутации, в частности профессиональная, служебная, репутация в бизнес-среде. При этом репутация как нравственная категория пересекается с понятиями «честь», «достоинство», «доброе имя». Суды же, видя в законе разные термины, исходят из того, что они наполнены разным смыслом. Терминологическая разногласия приводит к трудностям на практике: проблемам доказывания, сложностям при определении подсудности дел, к вопросам в части квалификации той или иной информации в качестве оценочных суждений или утверждений о факте, к ошибкам в отношении предположительности или утвердительности суждений и т.п. Мне кажется, надо было ввести в ГК общее понятие «репутация», и его содержание формировалось бы с учетом толкований, даваемых в судебной практике. Наш законодатель поступил по-другому — ввел в закон изначально более узкий по содержанию термин (деловая репутация), а теперь идут попытки расширить его содержание, нередко предлагается его толкование как репутации вообще, что не очень соответствует норме закона.

В части отличия клеветы от диффамации можно говорить о том, что первое предполагает изначально злонамеренные действия по распространению заведомо ложных сведений, тогда как при диффамации не исключена ошибочная убежденность в истинности распространенных порочащих сведений. Это основное отличие диффамации от клеветы, но и в том, и в другом случае речь идет об утверждениях о фактах. Когда мы переходим в плоскость оценочных суждений и такое суждение звучит уничижительно, появляется основание поднимать вопрос уже не о диффамации, а об оскорблении. Но не всякое негативное оценочное суждение есть оскорбление. Например, характеристика деятельности строительной компании в качестве «прущей как танк» не может рассматриваться ни как диффамация, ни как клевета, поскольку никаких утверждений о фактах не содержит — это оценочное суждение. Насколько подобное выражение можно расценивать как

оскорбление, во многом зависит от душевной организации человека, которого затронуло такого рода высказывание.

— В старом русском праве диффамация была отдельно от клеветы, было два разных состава. Клеветой считалось сообщение не соответствующих действительности сведений, а диффамацией — распространение соответствующих действительности, но порочащих, каких-то стыдных фактов. А сегодня, получается, граница между этими понятиями размыта?

— Да, мне кажется, что они в некоторой степени смешались. Сейчас превагирует позиция, согласно которой диффамация возможна, когда ущерб репутации причиняется распространением и частично правдивых, и полностью ложных порочащих сведений. При определенных условиях распространение порочащих ложных сведений образует состав клеветы.

— А понятие чести и достоинства не восполняют у нас нехватку понятия репутации? Они могут быть приравнены к «неделовой» репутации, служить ей заменой?

— Согласно распространенному подходу честь — это социальная оценка качеств личности со стороны общества, а достоинство — позитивная самооценка собственных способностей и личных качеств. Репутация подразумевает характеристику лица в определенной сфере деятельности или в определенной социальной группе — в профессии, на службе, в семье, в среде друзей и пр. Когда мы рассматриваем честь и достоинство, мы говорим о личности человека (но никак не юридического лица), репутация же подразумевает скорее сферу приложения усилий и для человека, и для компании. Например, служащий может иметь безупречную профессиональную репутацию, но характеризоваться среди коллег как недостаточно честный человек. Либо компания может иметь отличную репутацию как деловой партнер (репутация в бизнес-среде), но в узкопрофильной (профессиональной) сфере пользоваться славой недостаточно компетентной. То есть репутация может захватывать понятие «честь», касаться понятия «достоинство» — все эти термины лежат в одной плоскости, но применимы только к человеку. В отношении юридического

лица можно говорить исключительно о репутации, но никак не о чести и достоинстве.

— Верховный Суд может чем-то помочь в разрешении этой путаницы? Он достаточно делает в этом направлении?

— Надо отдать должное Верховному Суду, который неоднократно касался вопросов защиты чести, достоинства, деловой репутации и в своих постановлениях Пленума, и в обзорах, давая развернутые разъяснения, очень полезные для практики. Суды в регионах тоже нередко выпускают обзоры по этой проблематике. Мне кажется, что данная работа должна быть продолжена с учетом массы нерешенных правоприменительных проблем и значительного количества выносимых судебных решений, содержащих иногда диаметрально противоположные взгляды на одни и те же вопросы.

— Какие механизмы защиты репутации сейчас используются, помимо обращения в суд?

— Если говорить о защите в сети Интернет, то сейчас практически на каждом сайте предусмотрена возможность пожаловаться на оскорбления администратору (модератору) сайта. По итогам рассмотрения жалобы пользователя могут заблокировать или вынести ему предупреждение, а оскорбительные комментарии удалить. Администраторы сайтов в большинстве своем знают о риске публикации информации, полученной от анонимного лица, поэтому сегодня так распространена процедура идентификации пользователей на сайте (с подтверждением действующей электронной почты). Это особенно значимо в связи с тем, что многие сайты регистрируются как СМИ и обязаны проверять публикуемую информацию, чтобы избежать исков о защите деловой репутации, поскольку первые, кто попадает под ответственность, — это они сами. Если сайт не зарегистрирован как СМИ, то требования предъявляются и к правообладателю сайта, и к администратору.

Появились случаи привлечения к ответственности правообладателей групп в социальных сетях. В частности, суд признал, что если правообладатель группы «ВКонтакте» оставляет возможность комментировать посты, то он должен контролировать содержание комментариев пользователей — участ-

ников группы. Основания для привлечения к ответственности таких субъектов содержатся не только в ГК, к этим отношениям применяются нормы законодательства о СМИ, информации, рекламе. Да, иногда прямых норм об установлении ответственности там не найти, но, поскольку нормы сформулированы широко, при некотором толковании они позволяют их использовать для защиты соответствующих прав в сети Интернет.

— Поскольку в Сети очень много пользователей, много непроверенной информации и негативных высказываний, не приведет ли это к тому, что суды будут завалены исками о защите чести и достоинства? Не нужно ли ввести какие-то ограничения, например соблюдение обязательного досудебного порядка урегулирования, чтобы не парализовать работу судов такими исками?

— Массового обращения в суды с подобными исками вряд ли можно ожидать, поскольку достаточно эффективно используются инструменты, которые предлагают цифровые платформы. К тому же, как показывает практика, россияне в большинстве своем не любят ходить в суд и скорее предпочтут найти решение проблемы в рамках правового поля, но вне суда. Это подтверждает необходимость расширения возможностей для внесудебного разрешения таких дел, что предполагает упрощенную и ускоренную процедуру онлайн-разбирательства. Признаюсь, я вообще радею за расширение внесудебных форм защиты прав, поскольку суды, как известно, перегружены. Надо не ограничивать право доступа в суд — это будет противоречить Конституции, — а расширять возможности онлайн-урегулирования споров во внесудебном порядке.

— Можно ли сказать, что происходит некая девальвация диффамационных нарушений в условиях цифровой эпохи? Теперь мы много отзывов друг о друге оставляем, все фиксируется, возникает доказуемый повод обратиться в суд, и поводов таких больше, чем было раньше. Не девальвируется ли значимость этих нарушений в смысле их восприятия, применения мер ответственности, санкций?

— Я думаю, что начало этому процессу положила не цифровизация сама по себе, а анонимность в сети Интернет. Я вовсе не предлагаю входить в Интернет по паспорту, хотя, когда идет обсуждение

на профессиональной площадке, гораздо приятнее и эффективнее его вести с открытым забралом и четким пониманием, кто твой оппонент, тогда как в игре / виртуальном мире вполне уместны ники.

Вместе с тем нельзя не замечать, что анонимность в Сети создает у многих эйфорию безнаказанности. Поведение, которое порицается обществом и законом, в условиях анонимности получает широкое распространение: у многих создается впечатление, что, не будучи идентифицированным, можно безнаказанно оскорбить или напугать кого-то, слить накопившийся негатив. Поэтому речь идет не о том, что институт защиты репутации обесценивается. Просто самосознание граждан иногда слишком далеко от приемлемого. Но если каждый будет подходить к вопросу нахождения в Сети более разумно и более ответственно, то и Интернет в целом будет более позитивным, а проблем с защитой прав — значительно меньше.

— Насколько серьезно суды относятся к этим нарушениям? Какую компенсацию присуждают?

— В отношении компенсации морального вреда нельзя не признавать, что до последнего времени ее взыскание было достаточно проблематичным, а взыскиваемые суммы — копеечными. Когда предъявлялся иск о защите чести, достоинства, деловой репутации какой-то знаменитости, размер компенсации морального вреда еще предполагал более-менее приличные суммы. Требования о защите чести, достоинства, деловой репутации обычных граждан и юридических лиц нередко удовлетворялись в сумме от двух-трех до десяти тыс. руб. ВС РФ обратил внимание на проблемы в этой области, что в итоге привело к разработке в 2022 году обширного Постановления по компенсации морального вреда¹, в котором было предложено решение целого ряда вопросов. Надо заметить, что сейчас наблюдается некоторая тенденция к увеличению размера компенсации морального вреда, что можно оценивать только положительно. Если человек пошел с иском в суд, значит, для него это действительно важно, и если по таким делам будут взыскиваться адекватные суммы компенсации, это приведет к большей аккуратности в высказыва-

ниях, в том числе в Интернете, создаст в Сети более здоровую атмосферу.

Кстати, в какой-то момент суды общей юрисдикции ввели практику вымарывания сумм присужденных компенсаций морального вреда из публикуемых текстов решений. Я в свое время даже писала об этом. Сейчас, кажется, ситуация нормализовалась, и такая практика прекратилась. И это хорошо, поскольку не только мотивы решения, но и порядок исчисления размера компенсации помогает формироваться правильной и единообразной судебной практике.

— Какова природа этой компенсации? Если речь о деловой репутации, то вред скорее имущественный, ведь уменьшаются доходы лица, а если о добром имени, чести и достоинстве, репутации неделовой или ее эквивалентах, то как измерять размер вреда? Помнится, в Соборном уложении были указаны твердые тарифы — размеры компенсации за оскорбления и обиды — согласно статусу лица и его сословной принадлежности, а сейчас непонятно, как рассчитывать этот размер. Чем руководствуются суды?

— Сейчас шкалы, конечно, никакой нет. Последствия удара по репутации могут принципиально различаться в разных случаях, поэтому установить какие-то твердые ставки в зависимости от того, кто пострадал, гражданин или предприниматель, нельзя. Опять же репутационный вред компании и моральный вред гражданину сложно уравнивать — это различные явления.

Вред, причиненный репутации гражданина, вызывает у него нравственные и физические страдания, что требует денежной компенсации — компенсации морального вреда. Такие страдания компания не претерпевает вовсе: если имеет место ущерб деловой репутации компании или индивидуального предпринимателя, то это влечет умаление заработанного компанией или ИП нематериального актива. Это понимание находит подтверждение в Постановлении Пленума ВС РФ 2022 года, в котором указано, что правила компенсации морального вреда не применяются к индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам.

Вместе с тем в случае умаления деловой репутации юридические лица и индивидуальные предприниматели также должны получать защиту, в противном

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». — *Прим. ред.*

случае будет нарушаться гарантированный Конституцией принцип равноправия. Сложность для компаний и индивидуальных предпринимателей состоит в том, что общие положения ГК стабильно относят деловую репутацию к нематериальным благам даже несмотря на то, что впоследствии ГК отступает от этой позиции: в частности, в последующих частях кодекса репутация признается имущественным активом, который может быть внесен в уставный капитал. На мой взгляд, в этом контексте явно назрела потребность изменения общих положений ГК.

Для тех случаев, когда речь идет о причинении ущерба деловой репутации юридических лиц и ИП, необходимо введение единого механизма, предполагающего возмещение вреда, причиненного объекту гражданских прав. Но для этого деловую репутацию надо исключить из числа нематериальных благ и признать имуществом (имущественным активом). В поддержку этого мнения можно сослаться на то, что в западных компаниях гудвилл, львиная доля которого приходится именно на репутацию, может составлять до 90% всех имущественных активов компании. Вследствие этого причинение репутационного ущерба сильно снижает стоимость компании, ее убытки могут быть огромными.

Бесспорно, дела о компенсации репутационного ущерба будут осложняться существующими чрезмерно строгими требованиями к доказыванию размера причиненного вреда: как известно, отечественные суды подходят слишком буквально и жестко к доказательствам, представляемым в подобного рода делах. Доказать репутационный вред еще труднее: например, отток клиентов после публикации уничижительной статьи (было 150, а стало 20) представляет собой очевидный негативный эффект, но как доказывать в таком случае размер убытков? Думаю, можно говорить о том, что институт деловой репутации нуждается в развитии, а законодательство в этой части — в совершенствовании, поскольку сегодня репутационный урон толком не возмещается и лица, которые несут в связи с этим финансовые утраты, не получают необходимой правовой защиты.

— Какие еще способы защиты, помимо компенсации ущерба, можно использовать?

— Любой легальный способ надо использовать, если есть возможность. Можно упомянуть такой способ,

как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, — пресечение дальнейшего распространения порочащих сведений. Это может быть, например, изъятие тиража журнала, в котором изложены порочащие сведения.

Здесь надо заметить, что сложность защиты деловой репутации еще и в том, что репутационный ущерб виден не сразу и его шлейф может тянуться очень долго. Это как в анекдоте: «Ложки нашлись, а осадочек остался». Например, журналисты часто преподносят информацию в оценочном ключе, с некоторым преувеличением, и в итоге получается, что с правовой точки зрения придаться сложно, а репутация подпорчена. Поэтому нужно использовать и такой способ защиты, как публикация опровержения ранее размещенной информации. Предполагается, что опровержение должно быть опубликовано в том же месте, где была изначально размещена порочащая информация. В дальнейшем можно требовать распространения опровержения и от тех, кто перепечатал или цитировал первоисточник. Это, конечно, не самый эффективный способ решения проблемы. Если бы эффективно работали механизмы компенсации морального и репутационного вреда, то люди подходили бы с большей ответственностью к тому, что публикуют в печати и в Интернете.

— Какие критерии применяются для признания порочащей информации распространенной? Помнится, в деле «Рыжего кота»² Верховный Суд указал, что достаточно распространить информацию посредством отправки электронного письма третьему лицу.

— Распространение порочащих сведений подразумевает, что такие сведения становятся известны некоторому кругу лиц в результате конкретных действий распространителя сведений. Как правило, речь идет о публичном распространении сведений: публикации в журнале, размещении на сайте, в социальной сети или на онлайн-платформе, трансляции по телевидению, показе в рекламе и пр. В то же время не исключено и приватное распространение порочащих сведений: например, в частной деловой переписке, в заявлениях и жалобах, адресованных компетентным органам.

² Определение СКЭС ВС РФ от 24.11.2021 № 305-ЭС21-14231 по делу № А41-54681/2020. — Прим. ред.

Вследствие этого подход, обозначенный в деле «Рыжего кота», не годится для распространения на все без исключения случаи. Далеко не всякое единичное электронное письмо можно рассматривать в качестве распространения — в большинстве случаев имеет место адресное доведение информации. Подобно этому далеко не всякая жалоба, направленная в государственные органы, может рассматриваться как распространение порочащих сведений. Так, если лицо, добросовестно заблуждаясь, направило письмо с требованием проверки действий другого лица, то это вполне может быть квалифицировано в качестве реализации прав на обращение в государственные инстанции. Другое дело, если обращение было направлено злонамеренно в целях умаления чужой репутации — тогда квалификация действий будет совершенно иной. То есть случаи могут быть совершенно разные.

— А как оценить размещение информации в чате или группе в мессенджере? Будет разница при оценке факта распространения, если группа в 20 человек или 20 000?

— Мне кажется, что это можно сравнить с кучкой апельсинов: один апельсин — это не кучка, три уже кучка, а два? В подобных ситуациях значение приобретают разные факторы, но количественный не будет определяющим. Бесспорно, в любом случае можно говорить о том, что имеет место публичное распространение порочащих сведений. В то же время если группа закрытая и перепост сообщений запрещен, то тут есть место для творческого решения юристом вопроса, должно ли считаться размещение информации в такой группе публичным распространением или нет.

— Верховный Суд писал в Обзоре 2016 года³, что в отношении госслужащих, политиков рамки допустимой критики шире, чем в отношении физлиц. Такой подход еще сохраняет свою актуальность?

— В отношении политиков и публичных личностей действительно допускаются более широкие возможности критической оценки, но это должно касаться только их деятельности, предназначенной для широкого

обсуждения, а кроме того, критика должна опираться на подтвержденные факты. Обычно специально подчеркивается, что критика политических деятелей не должна касаться их семьи, личной жизни, оценки поведения близких людей и т.п. А содержащиеся в публикациях сведения, увы, нередко затрагивают именно последнее.

— А обвинение в коррупции допустимо?

— Обвинение в коррупции тоже должно иметь под собой основания. Заявление «мне кажется, что он берет взятки» — это явно утверждение о факте, которое может быть проверено, и если подтверждающих фактов нет, то здесь диффамация в чистом виде. Другое дело, что в публикациях иногда идет указание на называемый источник информации. И тогда важным становится следующее обстоятельство: может ли этот источник быть раскрыт в случае возбуждения дела о диффамации? Если источник информации впоследствии откажется подтвердить информацию или представленных им доказательств будет недостаточно, то соответствующее СМИ, разместившее порочащие сведения, понесет ответственность.

— Если в условиях вымарывания имен из публикуемых в открытом доступе текстов решений истец заинтересован в том, чтобы его имя не вымарывалось и хочет, чтобы судебное решение, где доказана его правота, было в базах с отражением его имени, как быть?

— Честно говоря, не сталкивалась с такой ситуацией. Конечно, вполне объяснимо, что победителю в судебном споре хочется, чтобы о его победе узнали. Мне кажется, такой вопрос может решаться в индивидуальном порядке путем обращения в суд с соответствующим ходатайством.

— Как сейчас решается вопрос о подсудности дел о защите чести, достоинства и деловой репутации самозанятых?

— Самозанятые все-таки относятся к физическим лицам, хоть и занимаются в какой-то мере предпринимательской деятельностью. ВС в своем Постановлении о компенсации морального вреда достаточно четко обозначил, что лица, осуществляющие деятельность без регистрации, могут обращаться по подсудности за

³ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016). — *Прим. ред.*

компенсацией морального вреда в суды общей юрисдикции. Получается, что самозанятые должны обращаться в суд общей юрисдикции. Хотя, если речь идет о предпринимательской деятельности самозанятых, то логично объединить их с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, если вопрос касается деловой репутации. Думаю, обозначенный подход может позднее поменяться. При этом, вероятно, самозанятым проще идти в суд за защитой своей репутации именно как физическим лицам.

— В заключение беседы расскажите о Вашем профессиональном пути. Кажется, в 2000-е годы Вы в основном занимались процессуальным правом, потом перешли к диффамации, вопросам репутационной защиты, теперь к интеллектуальной собственности и цифровому праву. Что Вас подвигло на эти перемены?

— Я изначально выбрала защиту прав в качестве направления исследований. Моя первая (кандидатская) диссертация была посвящена вопросам защиты интеллектуальной собственности в арбитражном суде. Несмотря на то, что я занималась исследованием именно процессуальных аспектов — проблем подведомственности и обеспечения иска, — обойтись без изучения материально-правовых вопросов, относящихся к сфере интеллектуальных прав, не получалось. Одновременно я училась в магистратуре Российской школы частного права, подготавливая магистерскую работу в сфере обязательственного права, — на ее основании мной впоследствии была выпущена монография «Судебный акт и динамика обязательств».

Занимаясь вопросами защиты прав, я не могла обойти вниманием проблематику мировых соглашений, находящихся на стыке материального и процессуального права. Поэтому моим следующим большим исследованием стала работа по мировым сделкам (мировым соглашениям)⁴. За ней последовала самая моя цитируемая работа «Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора».

В процессе исследовательской работы я поняла, что многие вопросы уходят истоками в теорию юриди-

ческих фактов, причем и в гражданском праве, и в гражданском/арбитражном процессуальном праве. Поэтому свою докторскую диссертацию я посвятила разработке взаимодействия и взаимовлияния теорий юридических фактов в цивилистике и цивилистическом процессе, что позволило мне сделать ряд выводов, значимых для разработки категории защиты субъективных гражданских прав.

На определенном этапе мне пришлось столкнуться с проблематикой защиты деловой репутации, которая надолго меня увлекла (подтверждением чего является целый ряд работ⁵). Примерно в том же контексте защиты прав интересует меня и цифровое право: я сконцентрирована на новых объектах субъективных гражданских прав и возможностях их защиты, мои исследовательские интересы сегодня связаны именно с цифровой средой. Сюда же относятся и вопросы защиты интеллектуальной собственности, правда, в основном я занимаюсь проблемами защиты интеллектуальных прав в Интернете.

Поэтому если посмотреть на мой профессиональный путь в целом, то можно увидеть, что я всегда занималась проблематикой защиты прав, только акцентируя внимание на разных объектах.■

⁵ См., напр.: Защита деловой репутации в случаях ее диффамации или неправомерного использования (в сфере коммерческих отношений): науч.-практ. пособие / под общ. ред. д.ю.н. М.А. Рожковой. М., 2015; *Рожкова М.А., Глазкова М.Е.* Комментарий к Обзору практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ от 16 марта 2016 г.) // Приложение к журналу «Хозяйство и право». 2016. № 8. Ч. 1; № 9. Ч. 2; *Рожкова М.А.* Обязательство по компенсации репутационного ущерба как разновидность деликтного обязательства // Обязательства, возникающие не из договоров: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2015. С. 119–144; *Она же.* Комментарий информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 сентября 1999 г. № 46 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации» // Практика рассмотрения коммерческих споров: анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 14 / рук. проекта Л.А. Новоселова, М.А. Рожкова. М., 2011. С. 103–167; *Она же.* Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Приложение к журналу «Хозяйство и право». 2010. № 2; и др. — *Прим. ред.*

⁴ См.: *Рожкова М.А.* Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М., 2005. — *Прим. ред.*